

Оригинальная статья / Original article

Участие ФРГ в форматах урегулирования конфликтов в Азии и Африке

© Ф.О. ТРУНОВ

Трунов Филипп Олегович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), 1trunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Исследован опыт участия ФРГ в переговорах по урегулированию и предупреждению вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора. Использованы сравнительный анализ, положения теорий урегулирования конфликтов и секьюритизации. Прослежены динамика Боннского процесса по Афганистану, а также эволюция подхода официального Берлина к использованию «евротройки» на переговорах по Соглашению о всеобъемлющем плане действий с Ираном. Показан вклад ФРГ в работу Группы «Друзья Сирии» и Малой группы по Сирии в увязке с попытками продвигать интересы умеренной оппозиции. Рассмотрены начало работы и сложности Берлинской конференции по Ливии. Сделан вывод о причинах неудач германской дипломатии, особенно попытки объединить цель урегулирования конфликтов с задачами «сдерживания» системных оппонентов.

Ключевые слова: Германия, урегулирование, вооруженные конфликты, дипломатия, переговоры, Афганистан, Иран, Сирия, Ливия

Цитирование: Трунов Ф.О. (2025) Участие ФРГ в форматах урегулирования конфликтов в Азии и Африке // Общественные науки и современность. № 1. С. 67–80. DOI: 10.31857/S0869049925010056, EDN: BIHNMJ

Germany in the Formats for Resolving Conflicts in Asia and Africa

© PH. TRUNOV

Philipp O. Trunov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), 1trunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. The focus of the study is on the experience of Germany's participation in negotiations on the settlement and prevention of armed conflicts in the Near and Middle East, in Africa north of the equator. Comparative analysis, provisions of theories of conflict resolution and securitization are used. The dynamics of the Bonn process on Afghanistan are traced, as well as the evolution of the approach of official Berlin to the use of the «European trio» in the negotiations on the Agreement on a comprehensive plan of action with Iran. The contribution of Germany to the work of the Friends of Syria Group and the Small Group on Syria is shown in conjunction with attempts to advance the interests of the moderate opposition. The launch and difficulties of the Berlin Conference on Libya are considered. The reasons of the failures of German diplomacy, first of all FRG's attempts to combine the goal of resolution of conflicts with the tasks of “containing” system opponents.

Keywords: Germany, armed conflicts resolution, diplomacy, negotiations, Afghanistan, Iran, Syria, Libya

Citation: Trunov Ph.O. (2025) Germany in the Formats for Resolving Conflicts in Asia and Africa. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 67–80. DOI: 10.31857/S0869049925010056, EDN: BIHNMJ (In Russ.)

Сегодня, когда формируется новый миропорядок, заметно возросла роль фактора силы на международной арене [Братерский, 2024]. Это усиливает актуальность глобальной повестки. Какой будет дипломатия завтрашнего дня? Насколько и с помощью каких тактик она будет способна урегулировать вооруженные и военные конфликты, снижать чрезмерную напряженность и конфронтацию? Важно понимать, почему использование одних переговорных площадок оказалось результативным, а других – нет.

В настоящей статье ставится задача осмыслить действия Германии по урегулированию и предупреждению вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), а также в Африке севернее экватора. ФРГ, одно из ведущих государств-членов НАТО и ЕС, наработала большой опыт, используя переговорный ресурс. В зонах нестабильности на БСВ и в северной части Африки ФРГ в числе «западных демократий» в последние десятилетия настойчиво пыталась стать гарантом безопасности для стран происхождения вооруженных конфликтов, тем самым заметно расширяя свое стратегическое влияние.

Руководство Германии (актор), трактуя риски нестабильности (угроза) как весьма опасные для населения страны и ее партнеров по ЕС (аудитория), стремилось убедить контрагентов в способности ФРГ умело противодействовать подобным вызовам. Особое внимание Берлин уделял профильным переговорным площадкам.

Западные и российские специалисты развивают исследования, которые посвящены различным аспектам участия Германии в урегулировании вооруженных конфликтов [Glatz, Kaim 2020; Tabrizi, Coville, Jalilvand 2018; Tull 2023]. Однако комплексное изучение этой проблемы ограничено малым количеством работ, причем среди них почти нет исследований, в которых анализировались бы переговорные форматы.

В статье применены сравнительный анализ, теории урегулирования конфликтов [Степанова 2024] и секьюритизации [Buzan, Waever, de Wilde 1998, 26–33].

Особенности переговорных практик Германии

ФРГ наработала богатый переговорный опыт, особенно в ходе попыток решить «германский вопрос» в период холодной войны. Задача включить в свой состав территорию ГДР закономерно выступала важнейшим приоритетом для Боннской республики с ее основания в 1949 г. Решение «германского вопроса» стало своего рода дипломатическим марафоном (1949–1990). На протяжении долгого времени ФРГ очень медленно продвигалась к цели, но сохраняла готовность к рывку. Прорыв в переговорах произошел между 9 февраля и 12 сентября 1990 г. Действуя в тесной координации с США, ФРГ сумела добиться от СССР согласия на национализацию урегулирования: формула «4+2» была заменена на «2+4», т.е. направляющая роль перешла от держав-победительниц к германским государствам¹.

На практике доминировали ФРГ (с учетом ее преимущества перед ГДР) и США: фактически имела место не национализация, а вестернизация переговоров. Этот результат, как и итоговый успех, был достигнут благодаря профессионализму канцлера Г. Коля и западногерманской дипломатии; имело значение и то, что М.С. Горбачев обратился к тактике «опережающих уступок» с целью прекратить конфронтацию [Plato 2015]. Территория ГДР переходила под юрисдикцию ФРГ, последняя сохраняла членство в НАТО, а СССР пошел на односторонний вывод своих войск из Германии, причем в очень сжатые сроки (4 года)². Характер и скорость успехов убедили ФРГ в том, что она способна одновременно и к марафонам, и к форсированным переговорам, обеспечивая национализацию урегулирования при участии ведущих «западных демократий». Себя ФРГ неизменно позиционировала как органичную часть этого сообщества.

Уверенность в возможностях германской дипломатии подкрепляла ее вклад в многосторонние усилия с целью урегулировать вооруженные конфликты на Балканах в 1990-е гг. В Боснии переговорщики от ФРГ и США сыграли ключевую роль в объединении хорватов-католиков и бошняков-мусульман в федерацию, которая стала противовесом Республике Сербской (РС). Тем самым Германия в числе «западных демократий» продвигала формулу единства Боснии и Герцеговины (БиГ) в увязке с задачей ограничить возможности РС как внутреннего оппонента³. Схема легла в основу Дейтонского соглашения в декабре 1995 г. Политико-дипломатические усилия ФРГ сочетала с использованием бундесвера как в военно-воздушной операции НАТО (с целью побудить РС принять предлагаемые условия), так и в небоевой миссии альянса по поддержанию правопорядка⁴. Что касается Косова, то линия ФРГ в Контактной группе была нацелена на ограничение возможности Сербии («малой» Югославии) противодействовать его обослаблению, и край постепенно превращался в независимый субъект.

Повышенная дипломатическая активность ФРГ сочеталась с применением бундесвера в миссиях НАТО: военно-воздушной, а затем по обеспечению порядка⁵. В бывшей юго-

¹ Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. 10 февраля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. М.: Весь мир, 2006. С. 339–355.

² Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос... 2006. С. 495–503.

³ См.: Laudatio von Staatsminister Gernot Erler auf Dr. Christian Schwarz-Schilling anlässlich der Verleihung des Hessischen Friedenspreises, Wiesbaden. Auswärtiges Amt. 20.11.2007. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/071120-erler-hess-friedenspreis/219246>).

⁴ The Bundeswehr on operations ... 2009. P. 65–67.

⁵ Ibid, p. 69–73.

славской республике Македонии ФРГ в числе «западных демократий» сосредоточилась на примирении властей и албанских сепаратистов, которых побудили остаться в составе страны. Подход был обусловлен тем, что государства-члены НАТО рассматривали как дружественные обе стороны конфликта; притом ФРГ и ее партнеры не были готовы признать, что поддержка албанцев в их стремлении отделить Косово от Сербии повлияла на аналогичные попытки уже в Македонии. Мир был оформлен 13 августа 2001 г.⁶ в Охридском соглашении, которое стало для Запада завершающим в череде усилий по урегулированию на постюгославском пространстве.

Боннский процесс: от «почти идеала» к итоговому провалу

Следующим по хронологии стал Боннский процесс по Афганистану. 11 сентября 2001 г. произошел потрясший мир террористический акт в Нью-Йорке. 7 октября США, опираясь на местный «Северный альянс», развернули наступление в Афганистане против «Аль-Каиды»⁷ и «Талибана»*. Уже 27 ноября – 5 декабря 2001 г. в Петерсберге вблизи Бонна прошли межафганские переговоры с целью сформировать переходную власть⁸. Германия координировала цикл данных встреч: попытки создать новую систему управления в Афганистане получили название Боннский (Петерсбергский) процесс. Он отразил попытки государств – членов НАТО принять на себя функции гаранта безопасности в странах происхождения конфликта теперь уже в Азии, вдали от зоны ответственности альянса. Германия проявила повышенную политico-дипломатическую активность, затем направила в Афганистан подразделения бундесвера⁹. На Балканах переговорные площадки, процессы, договоренности именовались либо по местным объектам, либо по объектам в западных державах, помимо ФРГ. С переговоров по Афганистану роль Германии стали отражать в подобных названиях.

Боннский процесс должен был обеспечить национализацию урегулирования, а участию стран Запада придать встроенный характер. Тактически важнейшие шаги оказались успешными. Была осуществлена консолидация межафганских сил на встрече в декабре 2001 г., организованы переходные власти на центральном уровне, которые стали постоянными после выборов президента (9 октября 2004 г.) и парламента (18 сентября 2005 г.). С осени 2003 г. «западные демократии» содействовали воссозданию местных органов власти, используя провинциальные восстановительные команды (ПВК). Всего государства-члены альянса организовали в Афганистане 28 ПВК, из которых ФРГ возглавила две, созданные в числе первых: в Бадахшане (с 2004 г.) и Кундузге (с 2003 г.)¹⁰.

Для германского типа ПВК осевым было сопряжение Ведомства федерального канцлера и МИД. Первое должно было координировать (и контролировать) функционирование ПВК; второе – устанавливать связи с авторитетными представителями этнических групп (узбеков, таджиков, хазарейцев), обеспечивать их вхождение в местную администрацию. В рамках ПВК также действовали уполномоченные от Министерства обороны (отвечали за подготовку кадров правительской армии), МВД (обучение афганской полиции), Министерства экономического сотрудничества и развития (координировало распределение официальной помощи развитию (ОПР) совместно с профильными него-

⁶ Ibid, p. 54.

⁷ В тексте (*) отмечены структуры, запрещенные в РФ. В отношении «Талибана» запрет приостановлен.

⁸ The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 80.

⁹ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/7930, 21.12.2001. S. 2–4.

¹⁰ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/3710, 22.09.2004. S. 2–4.

сударственными структурами)¹¹. Обязанность распределять гуманитарную помощь традиционно лежала на МИД ФРГ. С января 2002 г. бундесвер стал участвовать в небоевой деятельности Международных сил содействия безопасности (МССБ, ISAF) по поддержанию мира в районе Кабула, с осени 2003 г. – на севере Афганистана, внося основной вклад в многосторонние усилия в командовании «Север» МССБ. Свою роль в Боннском процессе ФРГ дополняла использованием бундесвера под эгидой МССБ.

Однако стратегически «западные демократии» допустили принципиальную ошибку: они налаживали межафганский диалог, исключив из него «Талибан». Государства-члены НАТО переоценили степень ослабления талибов в 2001–2002 гг., недооценили их способность восстанавливать силы [Новикова 2022]. Несмотря на давление, афганский «Талибан» вновь превращался в мощное движение, которое отстаивало свою схему национализации урегулирования, априори без участия Запада. Масштабное, географически широкое и длительное военное присутствие сил НАТО вкупе со стремлением контролировать систему власти в Кабуле создало эффект навязываемого иностранного участия. Такое положение было характерно для МССБ, как и миссии «Решительная поддержка» (с 2015 г.), несмотря на резкое сокращение ее масштабов. По этим причинам произошел провал Боннского процесса, хотя «западные демократии» де-юре считали его успешно завершенным еще в сентябре 2005 г. – после выборов в парламент Афганистана.

На фоне многочисленных неудачных попыток нарастить военные усилия и тем достичь перелома в борьбе с «Талибаном» США с середины срока полномочий Д. Трампа (2017–2021) вступили в переговоры с движением. Результатом стал выход на двустороннюю (афганские талибы – США в национальном качестве) сделку 29 февраля 2020 г. Она предполагала вывод из Афганистана в течение 14 месяцев всех войск США, а без их боевой поддержки контингенты других стран-участниц НАТО были неспособны удержаться. Смена администрации в Белом доме привела к паузе с целью изучить сделку. Все же в середине апреля 2021 г. аппарат Дж. Байдена принял решение имплементировать положения документа. Войска США и их партнеров были экстренно выведены из Афганистана к июлю 2021 г. Данные решения нанесли ФРГ ощутимый практический и имиджевый урон; германская дипломатия до последнего искала возможности не допустить сделки [Glatz, Kaim 2020]. Был перечеркнут Боннский процесс, что аннулировало роль ФРГ как гаранта безопасности для Афганистана, а ведь это было самое важное направление, учитывая усилия «западных демократий» с целью урегулировать вооруженные конфликты вне Европы.

Германская дипломатия извлекала уроки из неудач уже с начала 2010-х гг. – еще до того, как присутствие сил НАТО в Афганистане рухнуло, но когда все очевиднее стал проявляться кризис. ФРГ стала осторожнее вести себя с оппонентами Запада при попытках урегулировать конфликты. В Ливии в 2011 г. официальный Берлин политически поддержал оппозицию М. Каддафи, Германия не приняла участия в военно-воздушной операции НАТО. В Сирии, жестко порицая президента Б. Асада (с 2011 г.), ФРГ предельно ограничила, но не обнулила возможности контактировать с действующими властями. Схожую тактику избрала германская дипломатия и в отношении Ирана в условиях, когда Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе стал разваливаться (с 2022–2023 гг.), а сам Иран превратился в объект «сдерживания» для государств – членов НАТО и ЕС. Не следует, однако, переоценивать значение этих мер: ФРГ сохраняла минимальные контакты с оппонентами прежде всего для того, чтобы влиять на них, не изменяя общих магистральных установок.

¹¹ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 80–81.

ФРГ и СВПД: достичь и сберегать, а затем выйти?

В 2003 г. Германия в составе «евротройки», формата с участием Великобритании и Франции, а де-факто и ЕС, начала переговоры с Ираном, рассчитывая побудить его отказаться от разработки оружия массового уничтожения (ОМУ) [Tabrizi, Coville, Jalilvand 2018, 1]. Дата показательна: в 2003 г. официальный Берлин в согласии с Парижем и рядом других партнеров не поддержал планы США и Великобритании осуществить вторжение в Ирак. Однако оно состоялось (20 марта – 1 мая 2003 г.) и привело к фактическому развалу иракского государства и последующему (с 2006 г.) появлению здесь террористических группировок. Благодаря взвешенной позиции ФРГ не несет за это ответственности. Германская дипломатия решила повторить этот положительный опыт в ситуации с Ираном, предупредив возможные удары США по ИРИ. Хаотизация обстановки на территории Ирана, по сравнению с Ираком, была чревата куда более серьезными последствиями с точки зрения международной безопасности и могла негативно отразиться на ситуации в Афганистане, где «западные демократии» прилагали усилия по стабилизации.

Помимо прочего, Берлин контактировал с Тегераном и по ядерному вопросу в надежде сковать его активность на Ближнем и Среднем Востоке, не допустить недружественных действий ИРИ по отношению к Западу. Особую важность переговоры имели для ФРГ как для государства, которое добровольно бессрочно отказалось производить, владеть, распоряжаться ОМУ/ОМП основных видов (по договору «2+4» от 12 сентября 1990 г.) и одновременно претендовало на постоянное место в Совете Безопасности ООН. В 2006 г. круг государств-переговорщиков с Ираном оформился в «шестерку». Кроме ФРГ, остальные – РФ, США, КНР, Великобритания, Франция – были одновременно постоянными членами Совбеза ООН и легальными ядерными державами. К пятерке, которая обладала двумя атрибутами с отсутствием их у Германии, ФРГ смогла приблизиться в ходе переговоров по иранской ядерной программе. Этот важный для ФРГ результат во многом предопределил ее раннее (с 2003 г.) вовлечение в процесс, а позднее позволил встроиться в шестерку. Закономерно, что Берлин использовал для обозначения формата схему не «5+1», а «E3+3»¹² («евротройка» + три других участника – РФ, США, КНР), чтобы не выделять ФРГ в отдельную категорию.

Основные этапы переговоров стартовали в 2013 г. и завершились 14 мая 2015 г., когда шестерка (+ ЕС) подписала с Ираном Соглашение о всеобъемлющем плане действий (СВПД, JCPOA). Германская дипломатия действовала активно во время всего дипломатического марафона с целью выработать СВПД [Tabrizi, Coville, Jalilvand 2018, 1], а затем сохранить соглашение. Новый этап стартовал после выхода США из СВПД при Д. Трампе 8 мая 2018 г. Не только в 2003–2006 гг., но и в конце 2010-х гг. Великобритания проявила солидарность с Германией, несмотря на их разногласия по Ираку в 2003 г. и особенно в связи с брекситом в 2016 г. «E3» (де-факто «E3 + ЕС») – это редкий пример сотрудничества Берлина и Лондона. Трио европейских держав регулярно, в т.ч. в привязке к годовщинам СВПД, делало заявления с целью сохранить соглашение¹³. Параллельно ФРГ поддерживала контакты с Ираном, в том числе на высоком, но не на высшем уровне. Это отражало стремление Берлина демонстрировать стратегическую

¹² Gemeinsame Erklärung der Außenminister Deutschlands, Frankreichs und des Vereinigten Königreichs und der Hohen Beaufragten der EU zur iranischen Urananreicherung. Auswärtiges Amt. 09.07.2019. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/gemeinsame-erklaerung-e3-iran/2232252>).

¹³ Ibid.

дистанцию от властей в Тегеране, даже когда они координировали усилия по СВПД. С одной стороны, данный сюжет оставался не просто важнейшим, но почти единственным значимым в политическом диалоге сторон в конце 2010-х гг. С другой стороны, Германия пыталась стать гарантом безопасности для Ирана, заметно укрепить собственные позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Будучи крупным экспортером вооружений в Саудовскую Аравию, в 2018–2020 гг. Германия ввела эмбарго на эти поставки, стремясь побудить Саудовскую Аравию остановить операции Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в Йемене¹⁴ [Bisaccio 2020]. ФРГ была обеспокоена тем, что боевые действия группы монархий Персидского залива против хуситов (как элемента «оси сопротивления» под руководством ИРИ) могли перерасти в полномасштабную войну. ФРГ и здесь пыталась предупредить превращение части БСВ в огромную зону нестабильности.

Однако в первой половине 2020-х гг. в действиях Германии по отношению к Ирану возобладали другие мотивы. В Ливане, Ираке и особенно в Сирии заметно укрепляла свои позиции ИРИ и, напротив, серьезно ослабляла ФРГ [Leemhuis 2018, 1–4]. Официальный Берлин в принципе не был готов признать, что Тегеран и его союзники по «оси сопротивления» совместно с РФ сыграли во второй половине 2010-х гг. решающую роль в борьбе с международным терроризмом в Сирии. Поэтому Германия изменила подход к ИРИ: если в конце 2010-х гг. Берлин был готов взаимодействовать и даже точечно сотрудничать, то с начала 2020-х гг. он стал применять политику сдерживания Тегерана. Перемена стала заметна и применительно к Соглашению о всеобъемлющем плане действий.

Придя к власти в 2021 г., администрация Дж. Байдена обозначила готовность вновь начать выполнять соглашение, что получило поддержку Берлина, в том числе когда Белый дом обвинил Иран в нарушении СВПД. Иран критически воспринял такую трактовку ситуации. В 2022–2023 гг. участие в соглашении фактически приостановили не только США (по сути, они не вернулись к его выполнению), но и весь блок «Е3 + ЕС», включая ФРГ¹⁵. Этую площадку стали использовать для давления на Исламскую Республику. Тем самым официальный Берлин перечеркнул свои активные дипломатические усилия на протяжении почти двух десятилетий.

ФРГ и конфликт в Сирии

В условиях «Арабского пробуждения» Евро-Атлантическое сообщество обратило стратегическое внимание на поддержку оппозиции сначала в Ливии (в 2011 г. военно-воздушная операция НАТО привела к обрушению власти М. Каддафи), а затем, с 2012 г., – и в Сирии. В то время ключевой площадкой, на которой происходила многосторонняя координация усилий по поддержке оппонентов Б. Асада, стала Группа «Друзья Сирии» (ГДС). Она была создана в феврале 2012 г. по инициативе США и в тесном согласии с другими западными державами, в т.ч. ФРГ¹⁶. ГДС помогала «умеренной» оппозиции сплотиться в Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил (ETILAF), декларировала поддержку ее военизованных отрядов, прежде всего Сво-

¹⁴ Germany Extends Arms Embargo on Saudi Arabia. Defence and security monitor. 24.03.2020. (<https://dsm.forecastinternational.com/2020/03/24/germany-extends-arms-embargo-on-saudi-arabia/>).

¹⁵ Das Iranische Atom Programm. Auswärtiges Amt. 2024. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laenderiran-node/wiener-nuklearvereinbarung-atomprogramm-iran/202458>).

¹⁶ Außenminister Westerwelle fordert Syrien-Kontaktgruppe. Auswärtiges Amt. 06.02.2012. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/120206-bm-syr-kontaktgruppe/248780>).

бодной сирийской армии (ССА)¹⁷. Осевым компонентом ГДС выступали конференции: в 2012 г. прошли четыре (в Тунисе, Турции, Франции, Марокко¹⁸), в 2013 г. – три (в Иордании, Катаре, Великобритании), в 2014 г. – одна (вновь в Британии). Если в 2012 г. количество стран-участниц конференций достигло 70, а затем 114, то в 2014 г. составляло всего 11, среди которых ведущие государства – члены НАТО (США, Великобритания, Германия, Италия, Франция, а также Турция), ряд арабских монархий (Иордания, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия) и Египет.

Чем обусловлено фактическое прекращение работы ГДС с середины 2014 г.? Основная причина состояла в неспособности «умеренной» оппозиции захватить власть и успешно противостоять натиску все более мощных группировок международного терроризма (в первую очередь ИГИЛ* и «Джебхат Ан-Нусры»*). Невозможность отмежеваться от этих группировок демонстрировал ряд формирований ССА. Как и в Ливии в 2011 г., страны – участницы НАТО искали способы оказать силовую поддержку оппозиции в Сирии. Из-за вето РФ и КНР получить одобрение Совбеза ООН (как это было с резолюцией 1973 г. по Ливии) оказалось невозможно. Во многом поэтому военно-политический кризис в Ливии возник через несколько недель после начала вооруженного конфликта, а в Сирии – через 2,5 года, в конце августа 2013 г. Ряд стран – участниц ГДС во главе с США без должных доказательств обвинили официальный Дамаск в применении химического оружия, призвали провести против него (как и в 2011 г. против Триполи) военно-воздушную операцию. ФРГ заняла уклончивую позицию, продемонстрировав неготовность действовать бундесвер¹⁹ в боевых операциях (как в Ираке в 2003 г. и Ливии в 2011 г.). Это отнюдь не означало отказа от поддержки «умеренной» оппозиции (что подтверждала активность Германии в ГДС и помочь с целью консолидировать ETILAF), но свидетельствовало о желании четко ограничить набор используемых средств, об отказе от наиболее провокационных из них. В череде военно-политических кризисов с 1990-х гг., инициаторами которых выступали ведущие страны Запада, сирийский (2013 г.) уникalen тем, что он не перерос в силовую операцию, а был дипломатически урегулирован. Это произошло благодаря тому, что президент РФ В. В. Путин выдвинул инициативу уничтожить под международным контролем арсеналы химоружия в САР²⁰. Перевес сохранил официальный Дамаск, что подтвердили выборы президента страны 4 июня 2014 г. По этим причинам произошел самороспуск Группы «Друзья Сирии».

Правительственные силы в САР стали основным щитом на пути группировок международного терроризма. ИГИЛ* возникло в Ираке в 2006 г. в условиях распада страны после вторжения сил НАТО в 2003 г. Пользуясь дестабилизацией в САР и во многом объединив усилия с «Джебхат Ан-Нусрой»* (с 2012 г.), которая появилась именно в Сирии, ИГИЛ* в 2014–2015 гг. развернуло мощное наступление в обе стороны от сирийско-иракской границы. Увеличивалась обширная «черная зона» (контролируемая структурами международного терроризма), возник миграционный кризис, росла террористическая активность в ЕС в 2015–2017 гг. Вместе с партнерами ФРГ оказалась в весьма уязвимом положении, а на первый план вышли вопросы антитеррористической борьбы в САР. Международная

¹⁷ Außenminister Westerwelle: Unterstützen Syrische Opposition mit konkreter Hilfe. Auswärtiges Amt. 02.09.2013. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/130902-bm-syr/257374>).

¹⁸ Перечислены по хронологии конференций ГДС в них.

¹⁹ Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Bundeskanzleramt. 03.09.2013. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-anuela-merkel-794298>).

²⁰ Комментарий по ситуации с химическим оружием в Сирии. Администрация президента РФ. 10.09.2013. (<http://kremlin.ru/catalog/countries/SY/events/19194>).

антитеррористическая коалиция, которая была создана США в сентябре 2014 г. с целью противодействовать ИГИЛ* в Сирии и Ираке, не сумела достичь заметных успехов. Вклад ФРГ (с декабря 2015 г.) ограничился использованием небоевой авиации, помощью в обучении курдских Пешмерга и войск центральноиракского правительства²¹. Решающих успехов, которые привели к критическому ослаблению ИГИЛ*, сумел достичь триумвират РФ – официальный Дамаск – Иран. Это произошло между 30 сентября 2015 г., когда ВС России развернули антитеррористическую борьбу в дружественной САР, и 11 декабря 2017 г., когда президент В.В. Путин принял решение вывести основные силы группировки²² из страны. Заметную политическую роль в урегулировании стал играть «Астанинский треугольник» (Иран, Россия, Турция).

В условиях, когда произошло резкое снижение террористической угрозы в САР, Германия вновь заметно активизировала дипломатическую активность. В 2018 г. возникла Малая группа по Сирии (МГС). Ее состав был меньше, чем ГДС образца весны 2014 г., а главное отличие состояло в отсутствии в этой группе Турции по причине ее контактов с РФ и ИРИ в рамках «Астанинского формата». МГС образовали четыре западные страны (США, Великобритания, Германия, Франция) и три арабских государства: Египет, Саудовская Аравия и Иордания (без Катара и ОАЭ). Из последнего трио АРЕ и КСА были приглашены с учетом их влияния; Хашимитское королевство – благодаря заметному сближению с «западными демократиями» и своему географическому положению на Ближнем Востоке. Встречи МГС информационно не освещались столь подробно, как это было с конференциями ГДС; кроме того, большинство переговоров проходило на высоком, но не на высшем, уровне. Ставилась задача повысить эффективность нового формата при сохранении главной цели – усиливать влияние «умеренной» оппозиции, обеспечить ее максимально возможное представительство в реформируемой системе власти в САР.

ФРГ продолжала способствовать консолидации ETILAF (офис организации работал в Германии, а лидеры совершили туда визиты)²³, активно участвовала в работе МГС²⁴. В дополнение официальный Берлин интенсифицировал в 2017–2019 гг. контакты с каждым из государств-участников «Астанинского треугольника» по отдельности, рассчитывая расколоть хрупкое переговорное единство внутри него. С Россией эта тактика находила воплощение прежде всего в виде Сочинских встреч канцлера А. Меркель и В.В. Путина, с Турцией – в активизации двусторонних контактов на высшем уровне, с Ираном – в увязке с обсуждением мер, которые призваны были сохранить Соглашение по иранской ядерной программе. Кульминацией стала встреча 27 октября 2018 г. в Стамбуле с участием германо-французского тандема, РФ и принимающей стороны. ФРГ рассчитывала опереться на поддержку Турции, вывести Иран из обсуждения и продавить максимально полное представительство оппозиции во власти в САР. Одновременно заметно активизировала свою деятельность МГС. Однако в конце 2010-х гг. германская дипломатия не сумела решить поставленные задачи: преобладающее влияние в Сирии сохранял официальный Дамаск, что прежде всего было обусловлено успехами в антитеррористической борьбе при участии России и Ирана.

²¹ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 3–9.

²² Владимир Путин посетил авиабазу Хмеймим в Сирии. Администрация президента РФ. 06.12.2017. (<http://kremlin.ru/catalog/countries/SY/events/56351>).

²³ Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7562, 06.02.2019. S. 2–8.

²⁴ Gemeinsame Erklärung der Außenminister der Syrien Small Group. Auswärtiges Amt. 27.09.2018. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/gemeinsame-erklaerung-syrien-small-group/2141608>).

Соответственно, для ФРГ и ее партнеров резко сузились возможности обеспечить влияние в Сирии, как политico-дипломатически, так и в военном отношении. К 2022 г. бундесвер прекратил и без того ограниченную активность в воздушном пространстве САР²⁵. В 2022–2024 гг. упоминания о ETILAF и МГС исчезли с портала Ведомства федерального канцлера. МГС после периода интенсивной работы в 2018–2021 гг. заметно снизила активность, повторив путь ГДС в 2012–2014 гг. и в последующем.

Однако ФРГ сохранила часть своего влияния: в провинцию Идлиб (турецкую зону деэскалации) отступили остатки отрядов Сирийской свободной армии, а также «Хаят Тахир аш-Шама»* (ХТШ*; преемница «Джебхат Ан-Нусры»*). Они сумели перегруппировать силы и восстановиться, продолжая пребывать в симбиотических связях. 26 ноября – 8 декабря 2024 г. оппозиция (прежде всего ХТШ*) развернула внезапное, ставшее широкомасштабным, наступление, которое привело к обрушению прежней вертикали власти в Сирии. Опираясь на сотрудничество с Национальной коалицией сирийских революционных и оппозиционных сил, ФРГ получила возможность частично восстановить влияние в Сирии²⁶, обыгравая в целом неудачный опыт использования ГДС и МГС.

Берлинская конференция по Ливии: от успехов к замиранию процесса

В перечисленных форматах по СВПД и Сирии (ЕЗ, ГДС, МГС) ФРГ играла заметную роль, но все же не была ведущей силой. Это положение ФРГ заняла в 2014 г. на двух площадках, которые были созданы, чтобы обеспечить безопасность в Европе к востоку и югу от зоны ответственности НАТО – на постсоветском и постюгославском пространствах. Один формат – «Нормандская четверка» (с июня 2014 г. по декабрь 2019 г.; де-юре до февраля 2022 г.), где Германия совместно с Францией представляла интересы Запада в попытках остановить вооруженный конфликт на востоке Украины. Тандем контактировал с властями в Киеве, солидаризируясь с ними, и в Москве. На деле усиления «Нормандской четверки» привели не к урегулированию, а регулированию на фоне сохранения насилия. Это закономерно привело к неудаче, во многом вынудило Россию начать СВО. Другой формат – Конференция по Западным Балканам (с августа 2014 г.), встречи которой на высшем уровне обычно проходили ежегодно. Задача – обеспечить интеграцию в ЕС группы региональных акторов (Албания, БиГ, Северная Македония, Сербия, Черногория, частично признанный в мире независимым край Косово) и тем самым завершить боснийский и косовский вооруженные конфликты. На деле, напротив, возник риск их размозозки вследствие неготовности Республики Сербской и Боснии и Герцеговины, а также сербского населения Косова согласиться на увязывание воедино двух задач – урегулирования конфликта и интеграции в Евро-Атлантическое сообщество [Энтина 2024]. Конференция по Западным Балканам получила название «Берлинский процесс» – по месту первой встречи, а главное – благодаря направляющей роли ФРГ²⁷, для которой эта роль была особенно важна, учитывая неудачу в Боннском процессе по Афганистану.

В роли модератора Германия выступила и в ходе вооруженного конфликта в Ливии. Этому способствовало неучастие ФРГ в военно-воздушной операции НАТО (2011 г.) –

²⁵ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. S. 2–8.

²⁶ Außenministerin Annalena Baerbock vor ihrer Abreise nach Damaskus. Auswärtiges Amt. 03.01.2025. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/baerbock-damaskus-2692368>).

²⁷ Außenminister Steinmeier zum Treffen mit den Außenministern des Westbalkans. Auswärtiges Amt. 28.08.2014. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140828-bm-westbalkankonferenz/264666>).

единственной из западных стран, которая выстраивала образ взвешенного игрока для ряда государств в Африке. Как известно, в 2011 г. в Ливии произошел фактический распад государства, который с 2014 г. перерос в гражданскую войну с участием Переходного национального совета (затем Правительства национального согласия, ПНС) на западе (в Триполи) и Ливийской национальной армии (ЛНА) на востоке (в Бенгази). Одновременно получили распространение террористические группировки – «дочери» «Аль-Каиды»* и ИГИЛ*. Вкупе с попытками радикальных НВФ укрепиться в Сахаро-Сахельском регионе, особенно в Мали (наиболее заметно в 2012–2013 гг. и вновь с конца 2010-х гг.), это стало серьезной угрозой безопасности ФРГ, ее партнеров по ЕС. Была высока вероятность миграционного кризиса наряду с ростом террористической активности. Кризис, спровоцированный ухудшением обстановки в Мали, Нигере и дестабилизированной Ливии, мог дополнить и усилить негативные процессы, с которыми ЕС столкнулся в 2015–2017 гг. из-за наступления радикальных незаконных вооруженных формирований в Сирии и Ираке. По этой причине официальный Берлин стремился влиять на «ливийскую проблему». Во второй половине 2010-х гг. предпринимались попытки оградить зону нестабильности по периметру: контингенты бундесвера направляли в миссии ЕС и НАТО в Средиземном море, миротворческую ООН и военно-тренировочную ЕС в Мали, развивалось полноценное сотрудничество с Алжиром (до 2019 г.) и Египтом (с 2017 г.).

С конца 2019 г. ФРГ поставила задачу окончательно урегулировать вооруженный конфликт в Ливии. Действуя в согласии с западными державами, Германия смогла заручиться поддержкой аппарата генсекретаря ООН, крупных стран Северной Африки и России. Последнее имело особое значение, что подтвердил визит А. Меркель в Москву 11 января 2020 г. Именно инклузивная, с полноценным вовлечением России, схема переговоров обеспечила их первоначальный успех. Встреча в Москве 13 января 2020 г. с участием делегаций ПНС и ЛНА предварила Первую Берлинскую конференцию 19 января 2020 г. На ней был успешно начат процесс межнационального примирения. Была создана совместная комиссия по принципу «5+5» (по равному количеству уполномоченных от ПНС и ЛНА) с задачей обеспечить прекращение огня. Удалось выработать принципы формирования общенациональных переходных властей, договориться о необходимости вывести всех иностранных наемников из Ливии и установить эмбарго на поставки вооружений в страну. С этой целью создали военно-морскую миссию ЕС²⁸ (бундесвер подключился к ней с августа 2020 г.).

До осени 2019 г. ФРГ оказывала поддержку Правительству национального согласия Ф. Сарраджа в его борьбе с Ливийской национальной армией Х. Хафтара. Как модератор Берлинской конференции Германия постаралась продемонстрировать свою равноудаленность от ПНС и ЛНА, в марте 2020 г. провела переговоры на высшем уровне с обоими, несмотря на первые, самые трудные, волны COVID-19. Официальный Берлин стремился за короткое время создать переходные власти и вести диалог уже с ними. Соглашение о всеобъемлющем прекращении огня вступило в силу 23 октября 2020 г., а 5 февраля 2021 г. ПНС и ЛНА на Форуме ливийского политического диалога договорились о создании Правительства национального единства.

На таком фоне 23 июня 2021 г. прошла Вторая Берлинская конференция. Важнейшее ее решение – провести выборы президента Ливии 24 декабря 2021 г., тем самым завер-

²⁸ Waffenruhe für Libyen. Bundeskanzleramt. 19.01.2020. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyenkonferenz-in-berlin-1712310>).

шив формирование вертикали власти в стране²⁹. Однако провести данную процедуру не удалось ни в назначенный срок, ни в последующие три года. Произошло очередное обострение противоречий между западом (Триполи) и востоком (Бенгази) страны с риском возобновления боевых действий. Урегулирование вступило в опасную фазу деградации³⁰. Показательно отсутствие новых встреч в формате Берлинской конференции в 2022–2024 гг. Характерно, что определенную долю ответственности за неудачи германская дипломатия возлагала на Россию, настойчиво пытаясь вывести ее за рамки переговорного процесса. Берлин в принципе не был готов признать контрпродуктивность данного подхода, отчетливо демонстрируя приверженность парадигме Запад – не-Запад.

По сути, речь шла о вредном для урегулирования объединении его с другой задачей – сдерживать и отбрасывать. Этот принцип характеризовал линию ФРГ в ходе вооруженного конфликта в Мали (особенно отчетливо с 2021–2022 гг.), где Германия в ряду западных партнеров была вынуждена в конце концов свернуть свое присутствие [*Tull 2023*]), а также в условиях разморозки палестино-израильского конфликта (с 7 октября 2023 г.). В Сахаро-Сахельском регионе усилия ФРГ были сосредоточены на попытках обнулить присутствие здесь РФ (на деле имела место обратная ситуация: именно Берлин утрачивал позиции), а в связи с обострением палестинской проблемы – вывести за скобки переговорного процесса Иран, не говоря уже о России. Общим для Германии в ее стремлении влиять на ситуацию в Мали и Палестине было нежелание использовать переговорные площадки. Повлиять на ситуацию ФРГ старалась путем двусторонних контактов со сторонами конфликта и своими региональными партнерами. Это косвенно подтверждало тот факт, что Берлин не был удовлетворен собственным опытом, накопленным с начала XXI в., по использованию профильных форматов в урегулировании и предупреждении вооруженных конфликтов на Среднем и Ближнем Востоке, а также в Африке севернее экватора.

* * *

При урегулировании вооруженного противостояния любая переговорная площадка должна функционировать на протяжении конкретного периода времени – обычно это несколько лет. За этот срок становится ясно, удалось ли прийти к политico-дипломатическому решению конфликта, достичь заметного прогресса, или имеет место стагнация либо деградация обстановки. В первом случае переговорный процесс бывает завершен, во втором – он продолжается, но площадка зачастую требует институциональных изменений, в третьем она вынужденно перестает функционировать (обычно это не признают публично). К середине 2020-х гг. примерами третьего варианта развития событий стали Группа «Друзья Сирии» и Малая группа по Сирии, а также с высокой долей вероятности и Берлинская конференция по Ливии. Однако даже при самом благоприятном сценарии не исключены кардинальные перемены: после того как переговорный формат был признан успешным, может произойти обнуление его результатов. Примерами могут служить Боннский процесс по Афганистану и использование формата «E3» («E3+ EC») в рамках Соглашения по иранской ядерной программе.

---

²⁹ Zweite Berliner Libyen-Konferenz: Neue Phase für Frieden in Libyen. Auswärtiges Amt. 23.06.2021. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/libyen-node/zweite-libyen-konferenz/2467338>).

³⁰ Staatsministerin Katja Keul vor ihrer Reise nach Libyen. Auswärtiges Amt. 25.05.2024. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2658554>).

Можно утверждать, что все пять рассмотренных попыток ФРГ использовать переговорные форматы для национализации урегулирования (с полноценным встроенным участием других «западных демократий») оказались неудачными. Это стало еще более очевидным к середине 2020-х гг., когда стал складываться новый миропорядок. Схемы урегулирования без вовлечения в них незападных центров силы, прежде всего России, демонстрируют свою неэффективность. Это доказывает опыт Германии, в котором цель урегулировать конфликт обычно тесно переплетена с задачами сдержать и отбросить оппонентов. Такой подход не способствует прогрессу в борьбе с серьезными угрозами нестабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Братерский М.В. (2024) Мир фрагментации на смену миру глобализации // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 18–41. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.02>
- Bratersky M.V. (2024) The World of Fragmentation is Changing the World of Globalization. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 1, pp. 18–41. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.02> (In Russ.)
- Новикова О.Н. (2022) Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 213–233. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09>
- Novikova O.N. (2022) Britain's Fourth Afghan War. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 4, pp. 213–233. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09> (In Russ.)
- Степанова Е.А. (2023) Перемирие как компонент войны, этап мирного процесса или формат «ни мира, ни войны» // Международные процессы. № 1. С. 45–74. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.6>
- Stepanova E.A. (2023) Ceasefires as a Part of War, Peace Process, or a “No Peace, No War” Format. *Mezhdunarodnye processy*, no. 1, pp. 45–74. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.6> (In Russ.)
- Энтина Е.Г. (2024) Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 185–201. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.10>
- Entina E.G. (2024) Serbian foreign policy: challenges and perception. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 185–201. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.10> (In Russ.)
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 239 p.
- Glatz R., Kaim M. (2020) Mandat verlängern – Abzug vorbereiten // *SWP-Aktuell*, no. 18, pp. 1–4. <https://doi.org/10.18449/2020A18> (In Germ.)
- Leemhuis R. (2018) Iran's Destructive Regional Policy: an Underrated Problem. *Federal Academy of Security Policy. Security Policy Working Paper*, no. 27, pp. 1–5.
- Plato A. (2015) *The End of the Cold War? Bush, Kohl, Gorbachev and the Reunification of Germany*. London: Palgrave Macmillan. 454 p.
- Tabrizi A.B., Coville T., Jalilvand D.R. (2018) *Better Together: Brexit, the E3, and the Future of Europe's Approach towards Iran*. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung. 7 p.
- Tull M. (2023) VN-Krisenmanagement in Mali // *SWP-Aktuell*, no. 22, pp. 1–5. <https://doi.org/10.18449/2023A22> (In Germ.)

Информация об авторе

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН. Адрес: 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21. E-mail: 1trunov@mail.ru

About the author

Philipp O. Trunov, Candidate of Sciences (Political Sciences), Leading Research Fellow, INION RAS. Address: Nakhimovskiy prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 10.10.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 16.01.2025

Статья принята к публикации / Accepted: 05.03.2025